

DOI: 10.35852/2588-0144-2021-4-61-75
УДК 378.096:792

Г. А. Заславский
ORCID: 0000-0003-0131-0791

И. Л. Райхельгауз
ORCID: 0000-0002-3928-3656

Российский институт театрального искусства – ГИТИС,
Москва, Россия

«Сегодня многие абитуриенты понимают, к кому они поступают в ГИТИС». О традициях преподавания режиссуры

АННОТАЦИЯ

В статье в форме диалога продолжается серия исследований уникальной природы театральной школы ГИТИСа – Российского института театрального искусства, и шире – российской театральной педагогики. Преподавание режиссуры в ГИТИСе анализируется как процесс преемственности основ мастерства корифеев отечественной сцены, восходящий к Вс. Э. Мейерхольду и К. С. Станиславскому. Рождение уникальных режиссерских стилей связано с тщательным освоением нюансов системы Станиславского, что открывает молодым постановщикам перспективы дальнейшего диалога с методом и стимул для развития элементов своего уникального сценического языка, формирования художественного почерка.

Анализируются исторические детали режиссерского курса М. О. Кнебель и А. А. Попова, выпускниками которых стали знаменитые режиссеры Анатолий Васильев, Борис Морозов, Иосиф Райхельгауз, Рифкат Исрафилов, Андрей Андреев и др. Кафедра режиссуры драмы ГИТИСа, давшая профессиональный старт многим уникальным режиссерам, остается основным центром сохранения традиций актерского творчества в рамках психологического театра. Нынешние и будущие режиссеры осознают, что возможности артиста в любой театральной системе раскрываются в зависимости от его уровня работы «по Константину Сергеевичу». Такой артист всегда мотивирован, держит партнера, играет плотно, длительно, способен существовать в интенсивной зоне молчания и т. д. И кафедра режиссуры ГИТИСа передает из поколения в поколение все достижения великой школы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Русская театральная школа, советский театр, режиссура, ГИТИС, М. О. Кнебель, К. С. Станиславский.

Grigoriy A. Zaslavskiy
ORCID: 0000-0003-0131-0791

Iosif L. Raykhelgauz
ORCID: 0000-0002-3928-3656
Russian Institute of Theatre Arts (GITIS),
Moscow, Russia

“Many students nowadays know what master do they seek in GITIS”. On traditions of directing teaching

ABSTRACT

In a form of a dialogue the article continues a series of studies of the unique nature of GITIS (the Russian Institute of Theatre Arts) theatre school – and more broadly – Russian theatre pedagogy. Teaching directing at GITIS analysis as a continuing process is based on the mastery of the leading figures of the national stage, dating back to Meyerhold and Stanislavsky. Creation of a unique director’s language and an artistic handwriting.

In the article there are analyzed the historical details of M. O. Knebel and A. A. Popov directing course. Their graduates became famous directors Anatoly Vasiliev, Boris Morozov, Iosif Raikhelgauz, Rifkat Israfilov, Andrey Andreev and others. The Department of Directing at GITIS, which gave a professional start to many unique directors, remains the main center for preserving the traditions of acting within the framework of psychological theatre. Both nowadays and future directors are aware that the artist’s potential in any theatre system is revealed depending on his level of work “according to Konstantin Sergeevich”. Such an artist is always motivated, keeps a partner, plays tight, long. He is able to exist in an intense zone of silence, etc. GITIS directing department passes all the achievements of the great school from generation to generation.

KEYWORDS

Russian theatre school, Soviet theatre, directing, GITIS, M. O. Knebel, K. S. Stanislavsky.

Г. З.: Традиционно мы продолжаем разговор об уникальной школе театрального мастерства ГИТИСа, и сегодня в центре нашего внимания школа режиссерская, о которой мы беседуем с одним из мастеров кафедры режиссуры Иосифом Леонидовичем Райхельгаузом. У меня очень простой первый вопрос: как в Вашей жизни появился ГИТИС? Потому что, собственно говоря, у вас все хорошо было и без ГИТИСа.

И. Р.: Нет-нет, ГИТИС появился намного раньше, чем все стало хорошо. Я ведь в юности не знал, какую профессию выбрать. Думал, хорошо жить в Одессе, хорошо быть капитаном на очень большом судне, чтобы в качестве руководителя вести его куда-то. Потом появилась другая мечта. В Одессе есть городской сад, и по вечерам там играл замечательный духовой оркестр. Сейчас там появилась лавочка, на которой сидит бронзовый Л. О. Утёсов, а тогда он сам сидел и слушал. Я понимал, что, поскольку музыкальную школу не окончил, вряд ли стану дирижером, руководителем оркестра. Уже в первом классе начал записывать что-то, мало того, долго сохранял эти записи, потом обнаружил в них некие литературные признаки. И решил стать писателем. Но понимал, что не могу им быть, потому что нет письменного стола – самого важного для писателя. Годом к 13–14 мне очень повезло – познакомился с потрясающей семьей театральных художников Ивницких. Они что-то объяснили о жизни, о том, какие поэты были в Серебряном веке, а какой век был Золотым... Среди этих рассказов вдруг замелькали слова, которые сегодня даже не знаю с чем сравнить, – ГИТИС, ВГИК, МХАТ. Тогда нам в голову не приходили какая-нибудь Сорбонна или Рочестерский университет с прекрасным театральным факультетом, где я преподавал через несколько десятилетий. Но ГИТИС – для меня был какой-то космос, до которого, конечно же, нельзя добраться, потому что ты на автомобиле, а туда нужно лететь на ракете. Поэтому в 16 лет я поехал поступать в Харьковский театральный институт. Бесконечно благодарен этому институту за то, что меня сразу отчислили с формулировкой «профессиональная непригодность».

Г. З.: Так вы поступили?

И. Р.: Да, я поступил, все было отлично, це був такий навчальний заклад на українській мові. В мене до того вже була середня освіта... Экзамены сдал прекрасно. Набирали на факультет режиссуры украинской драмы. Это примерно как украинская математика. Словом, хорошо, что отчислили. Потом поработал артистом в Одесском ТЮЗе, но все равно думал, что ГИТИС со мной не совместим, туда меня близко не подпустит. Решил поехать все-таки в Ленинград, поступил в ЛГИТМиК и продержался чуть подольше – больше одного семестра. Борис Вульфович Зон, великий педагог, отчислил меня с той же формулировкой: «профессиональная непригодность». Потом было еще два института, университет, я стал художественным руководителем университетского театра, все было, было, было... Услышав, что в ГИТИС набирает Анатолий Васильевич Эфрос (к своим 20 с чем-то годам я уже понимал, кто такой Эфрос), рванул в Москву. Конкурс, естественно, фантастический. В нашем знаменитом садике росли огромные тополя. Потом мы, студенты

первого курса, эти тополя пилили, потому что, когда с них летел пух, достаточно было одной спички – тут же весь садик полыхал. А тогда, представьте себе, многие студенты курили... На курс взяли всего десять советских студентов, восемь были из провинции, двое москвичи. Москвичи потом уехали в провинцию и канули в прямом и переносном смысле, а все восемь провинциалов сейчас трудятся невероятно, мы дружим, общаемся, звоним друг другу... Мои однокурсники – знаменитые, потрясающие режиссеры, ныне и народные артисты, и профессора Рифкат Исрафилов, Анатолий Васильев, Борис Морозов, Андрюша Андреев – перед конкурсом сказали: «Ты вообще понимаешь, что тебя с такой фамилией не возьмут?» Я ответил: «Вы, наверное, плохо учили историю русской культуры. Знаете, кто моя бабушка?» – «Кто?» – «Моя бабушка – Зинаида Райхельгауз. Это когда она была замужем за дедушкой... А когда вышла за Есенина, а потом за Мейерхольда, оставила Райх...» Десятилетие эта байка гуляла по ГИТИСу, потом вернулась ко мне: «У нас есть внук Сталина – Саша Бурдонский и внук Зинаиды Райх». Борю Морозова и Толю Васильева я позвал в общежитие на Трифоновку – нам велели селиться по 4 человека. Мы еще взяли Андрюшу Андреева, ныне профессора ЛГИТМиКа.

ГИТИС – это счастье. Правда. ГИТИС – это всё. Может быть, звучит банально, но это дом, семья, родина, планета – все эти слова можно к нему отнести. Я, было, обиделся на ГИТИС лет 30 тому назад... Меня приглашали в разные вузы, и я набрал одну мастерскую на кафедре Марлена Хуциева во ВГИКе, потом вторую, а потом пришел к Петру Наумовичу Фоменко, он тогда был завкафедрой, и сказал: «Пётр Наумович, я не прав». Он к этой ситуации вообще не имел отношения, там была длинная история: мы с Морозовым доводили курс Анатолия Васильевича Эфроса. Анатолий Васильевич набрал 30 с чем-то студентов, мы с Морозовым провели первый экзамен и увидели, что половину из них нужно отчислить... В общем, там произошла «конфликтная ситуация», и я был обижен. Десять лет проработал во ВГИКе, хотя параллельно преподавал в ГИТИСе...

Г. З.: Но во ВГИКе у вас был хороший выпуск.

И. Р.: Очень хороший. Там было два сильных выпуска, точнее, два с половиной: четыре года, четыре года и еще два года – и я не вынес. Пришел в ректорат и сказал: «Дорогие, извините, все это совсем не...» При чем нормальный был курс, сейчас это знаменитые артисты, режиссеры – Марат Гацалов, Маша Шалаева, Елена Ксенофонтова, Вадим Колганов, Женя Стычкин...

Г. З.: Иосиф Леонидович, а как вы идентифицировали педагогов, когда поступили? Там же преподавали известные, выдающиеся, великие люди – а для вас они... Вот идет по коридору какой-то человек и что-то говорит. Первая мысль – что он говорит? У нас есть мастер!

И. Р.: Нам передавали, кто есть кто. И сегодня то же самое. К счастью, сегодня многие абитуриенты – раньше этого не было – понимают, к кому они поступают.

Г. З.: Далеко не все! В прошлом году один парень такое набедокурил, что мы решили его отчислить. И Олег Львович Кудряшов, его мастер, стал защищать:

«Он такой талантливый!» А этот парень курил, бросил окурочок в окно, попал в голову проректору – хороший парень. Я его спрашиваю: «Ты читал книгу Кудряшова?» Он говорит: «Нет, не читал». – «Тогда ты не имеешь права учиться у Кудряшова. Позвоню Олегу Львовичу и скажу – нет оснований его не отчислять». Для меня, для нас всех, очень важно иметь хоть какое-то основание не отчислять. И на следующее утро он пришел и стал наизусть читать эту книгу...

И. Р.: Но я скажу, почему думаю, что все-таки поступают к мастеру. В последние годы, вот уже четыре мастерских, я совершенно сознательно набираю заочников. Намеренно набираю людей взрослых, которые идут учиться осознанно, и понимают, кто у них будет преподавать. Но вы правы, тогда мы смотрели портреты на стенах и думали: так, Станиславский висит, он здесь учился или преподавал?

Г. З.: Хотя никакого отношения не имел...

И. Р.: Про Немировича нам быстро рассказали, что у него были хорошие студенты и все такое... Конечно, мы читали, но тогда купить книжку было очень непросто... Мы учились на первом курсе, когда вышла книга Марии Осиповны Кнебель «О действенном анализе пьесы и роли». У меня до сих пор лежит этот том, потому что Васильев пошел в Дом книги на Новом Арбате и на первой странице, на титульном листе написал: «Дорогому Осипу Райхельгаузу. Спасибо, что вы поступили в мою мастерскую. Всегда ваша, Мария Осиповна Кнебель. Ваш талант покорила меня на втором отборочном туре. Особенно, когда вы читали...». У меня до сих пор стоит этот том, подписанный почерком Васильева. Он принес и говорит: «Кстати, тебя почему-то не было, вот, Мария Осиповна просила передать». Я был в полной уверенности, что действительно просила (фото 1).

Некоторые педагоги были для нас смешными. Григорий Нерсесович Бояджиив – он всегда так делал – приоткрывал дверь, смотрел, сидят в аудитории студенты или нет. Нас было 20 человек: 10 советских и 10 зарубежных – наша мастерская. Тогда слова «мастерская» не употребляли – курс: курс Попова, курс Кнебель, курс Эфроса... Он приоткрывал дверь, а у него был потертый портфельчик, как у Жванецкого, – и этот портфельчик взлетал на преподавательский стол, точно падал, как граната, и дальше он – такой кругленький, маленький – вкатывался... И вот первого сентября он вкатился. Было ощущение, что хотел увидеть совершенно другие лица. Он на нас смотрел с ужасом, как будто отстраняясь. «Вы представляете, вот здесь, в этой аудитории, буквально в этих стенах сидели Товстоногов, Гончаров, Эфрос, а до них здесь бывали Немирович, Мейерхольд, Таиров... Вы кто?» – причем так, с угрозой. Я должен сказать, что, когда он, как шариками, стал жонглировать именами – Эсхил, Софокл, Аристофан, нам стало стыдно, что мало читали. И, честно говоря, мы начали читать, и читать серьезно. У нас были гениальные педагоги. Марк Яковлевич Поляков – русская литература. У меня хранится несколько его книг. Он надписал, и меня это потрясло: «Иосифу Райхельгаузу, ученику и другу». Я теперь многим своим выпускникам, которые уже стали

Фото 1. Иосиф Райхельгауз и Анатолий Васильев во дворе ГИТИСа. 1973 г. Фото: Борис Морозов / Iosif Raykbelgauz and Anatoly Vasiliev in the courtyard of GITIS. Photo by Boris Morozov

известными режиссерами, именно так надписываю свои книжки: «Денису Азарову, Юлии Ауг, Саше Онищенко, Марату Гацалову, Косте Солдатову, ученику и другу»... Он нас поднимал до себя, не опускался, а поднимал. «Как вы помните, Электра...» – мы не помнили. Но, приходя в общагу на Трифоновке, читали, читали... Все же еще подрабатывали, денег не хватало...

Г. З.: И где подрабатывали?

И. Р.: Я – ночным электриком в Театре Маяковского. Приходил, за 15–20 минут менял перегоревшие лампочки, а потом открывал опечатанные ящики (это были сургучные печати времен Театра Революции) и находил книжечки, которые листал еще Всеволод Эмильевич. И некоторые из этих книжечек – за давностью, надеюсь, простится – я приносил в общагу. Васильев даже иногда заказывал: «Мне вот хорошо бы из энциклопедии Брокгауза и Ефрона том на букву “К”». Андрюша Андреев мёл Музей революции, Васильев делал еще что-то, совсем странное... Все подрабатывали, притом у нас была повышенная стипендия – 35 рублей. У всех 28 – у нас 35. На курсе был даже один Ленинский стипендиат, Борис Морозов. ГИТИС – великое учебное заведение, потому что на любом фестивале, на любых гастролях, черт-те где, от Австралии до Индии – начинаешь разговаривать с людьми, и выясняется: вы учились в ГИТИСе? Когда? Оказывается, что и педагоги знакомые, и спектакли, и книжки... Несколько лет назад меня пригласили читать в Высшую киношколу Рима, ту самую, где висит золотая табличка: «Здесь учился и преподавал Федерико Феллини». Я вошел туда с дрожью, и оказалось, что там читала наша Наталья Алексеевна Зверева. ГИТИС знают. ГИТИС – это всё!

Г. З.: А ведь вы учились, когда ректором (или директором) ГИТИСа был М. А. Горбунов?

И. Р.: Ректором. Он плохо выговаривал букву «к», он говорил: «Я рехтор». Он много чего говорил. Мне кажется, если собрать воспоминания тех, кто учился при Матвее Алексеевиче Горбунове, получится книга с изречениями не хуже, чем у Черномырдина. На первом курсе мы что-то репетировали поздно вечером. Выхожу – зима, снег, ветер, прямо метель. Зачем-то вернулся в ГИТИС. Горбунов на пороге своего кабинета (он выпивал, это отдельный рассказ), на меня с ужасом смотрит: мол, кто это еще кроме него в ГИТИСе может быть? И говорит: «Ты кто?» – «Я – студент» – «А я кто?» И я, видимо, с перепугу, говорю: «Не знаю...» – «Я – рехтор! Вот ты, студент, пойд и найди для рехтора такси».

У него столько незабываемых фраз, гениальных. Когда в первый раз Андрей Алексеевич Попов после окончания мастерской пригласил Борю Морозова, Васильева и меня преподавать, мы стали впервые официальными членами приемной комиссии. Горбунов нас собрал и стал инструктировать: будьте внимательны, приемная комиссия – это очень ответственно... В общем, говорил, говорил, говорил и под конец произнес: «Особенно обращаюсь к молодым педагогам. Вы на́учите их исполнять это стихотворение и басню. Главное – спросите, кто у него родители! Кто у него бабушка-бабушка, что он читал, что он слушал, что он знает, потому что – и дальше гениальная фраза – потому что **кто в ХИТИС поступает, того ХИТИС выпускает!**» Это кладезь! А вот эта его знаменитая история... Он выпивал, но никто не мог понять, где он прячет свой «бар»: кабинет, книги стоят, стол закрыт, вдруг раз – и он выпивший. А в кабинете имелся бюст Ленина. Он был внутри пустой, и коньячок там аккуратно помещался. И вот Матвей Алексеевич заметил, что коньячка становится меньше, кто-то его отпивает. Как-то рано утром он обратил внимание на уборщицу Катю, которая особо тщательно Ленина протирала. И заподозрил неладное: «Катя, ты что стала Ленина трогать?» Эта фраза облетела весь ГИТИС. А уже курсе на 3–4-м была другая история, в общежитии. Возмущению ректора не было предела: «Я иду по коридору – и мне навстречу холый студент – холый! Как это можно?!» Кто-то говорит: «Матвей Алексеевич, ну, не может быть совсем голый. Ну, прямо вот совсем голый?» – «Правда... Не совсем холый. В носках». Про Матвея Алексеевича нужна отдельная книга. Он, например, говорил: «Этого студента нужно лишить стипендии, потому что он выбрасывает бутылки в окно – значит, у него и так есть деньги, бутылки надо сдавать, а не выбрасывать». У меня историй про него немало записано в «Запенде» (в книге «Мы попали в запендю». – Г. З.).

Г. З.: А какие главные уроки Попова?

И. Р.: Гениальные уроки Андрея Алексеевича Попова. Ведь мы должны были учиться у Эфроса. А Эфросу не разрешили набирать курс – шла вся эта история с Бронной, закрывали «Три сестры», потом мы бегали на репетиции... Мария Осиповна провела набор, это она нас собрала. Я счастлив,

думаю, если бы не она, меня бы не взяли. Потом, буквально с первого сентября, начали подбирать руководителя мастерской. Привели Бориса Ивановича Равенских – мы резко отказались. Потом была занятная история с Павлом Осиповичем Хомским: когда мы сидели и ждали его напряженно, Васильев написал на доске: «Загадка: на “х” начинается, на “й” заканчивается. Отгадка: “Хомский”». Он вошел, стал нам рассказывать биографию, а мы так сидим мрачно, он оглянулся на доску, все понял, ушел. С тех пор он нас называл учениками и как-то очень по-доброму относился. В результате Мария Осиповна читала нам теорию режиссуры, а актерское мастерство, практику отдала Андрею Алексеевичу Попову. На первой же встрече Андрей Алексеевич предложил: «Давайте познакомимся. Вы рассказываете свои биографии, я расскажу свою». Андрей Андреев: «Я окончил Институт военных переводчиков в Нижнем Новгороде, руководил студенческим театром, делал это, это, это...». Анатолий Васильев: «Закончил химфак Ростовского университета, химик-органик, плавал на немагнитной шхуне “Заря”, руководил лабораторией и т. д.». Борис Морозов: «Окончил Челябинский политехнический институт, преподавал теорию машин и механизмов, руководил студенческим театром...». Иосиф Райхельгауз: «Закончил... руководил...» (фото 2). Он все это выслушал и говорит: «Да... Слушайте... А я окончил среднюю школу и студию у папы при Театре Советской армии... Никогда никому не преподавал, у меня нет высшего образования. Но давайте так, я почитаю папины книжки, записи, а вы подготовьте работы по пять минут, чтобы я посмотрел и понял, могу ли я вам чем-то помочь». Мы спросили, что можно репетировать, а он ответил, что все можно. «Как, все? И Солженицына?» – спросил Васильев. Тогда вообще вслух произнести «Солженицын»! 68-й год!

Фото 2. Иосиф Райхельгауз, Анатолий Васильев, Борис Морозов. 2010-е. /
Iosif Raykbelgauz, Anatoly Vasiliev, Boris Morozov. 2010s.

Морозов: «А “Дума про Опанаса”?» Хорошо это помню. Я: «Стейнбек “Люди и мыши”?» Стейнбек летал над Вьетнамом, фотографировал... Попов ответил: «Да это же учебная работа, делайте, что хотите». И через десять дней пришел с Марией Осиповной Кнебель. Театр блистал: мы притащили дерево, ржавую какую-то сетку наверху... и сыграли. Попов на все это посмотрел и сказал: «Очень интересно, – он был тогда главным режиссером Театра Советской армии, – я буду вас звать спектакли ставить. Все у вас замечательно! Но очень плохо играют артисты. Давайте еще раз: вы будете показывать ваши отрывки, только одну роль, любую, буду играть я». И он входил в каждый наш отрывок, импровизировал текст, и мы понимали: о! вот это артист! Мотивированно, точно, с пониманием партнера, с длинной игрой – вся система Станиславского по элементам была видна. «А как это сделать?» – «Вот этому я могу вас учить, чтобы артисты так играли». Это Андрей Алексеевич Попов. А Мария Осиповна давала очень серьезную теорию режиссуры, легко, простыми словами объясняя сложнейшие вещи.

Закон, который мы преподаем, можно и нужно нарушать, но его нельзя не знать. Могу назвать большое количество своих студентов, выпускников, которые замечательно работают – и Денис Азаров, и Костя Солдатов, и Караваев Валера, Юлия Ауг, Филипп Лось, Павел Макаров, Евгений Кочетков... Много очень сильных. Они все владеют этой технологией. Я ведь видел довольно много – думаю, вы не меньше видели – самых разных европейских, мировых театров. Немало школ или, скажем, технологий. Системой это нельзя назвать. Потому что даже весь Е. Гротовский – родом из ГИТИСа. Его тут отчислили немножко, но он абсолютный ГИТИС. Русский психологический театр с мотивировкой, с проживанием, как Константин Сергеевич говорил, с состоянием, которое обязано прийти в определенное время – время, обозначенное на афише. Поскольку мы много бывали в Берлине – у нас там больше года работал филиал, я несколько раз заходил в «Берлинер ансамбль» и просто смотрел вечером идущий спектакль. И хотя Германия – родина Брехта, занимавшегося другим театром, все равно хороший артист – это артист по Константину Сергеевичу. Он мотивирован, держит партнера, играет плотно, длинно, формулирует интерес и т. д. Вся эта методология, к счастью, сохранена на кафедре режиссуры (я, собственно, только на этой кафедре всю жизнь и работаю), она передается из поколения в поколение. Огромное количество моих студентов преподают, причем везде – «от Москвы до самых до окраин». Только что защитил диплом Саша Онищенко, который в Одессе руководит очень интересным театром, и гордится тем, что окончил ГИТИС. Вижу это. Очень многих могу предъявить. Когда слышу людей без театрального образования, обладателей бесконечных «Масок», не буду называть фамилии, которые рассказывают: «Разрушим систему Станиславского!», даже не знаю, что сказать. Вы хотите сварить борщ из бензина – хорошо, понятно. Только назовите его не «борщ», назовите это огненным варевом. Но вы говорите: «Мы варим борщ. Там будет бензин, там еще будут плавать солома и навоз...». Серьезно говорю...

Г. З.: Скажите, у вас были какие-то личные отношения с Кнебель, какое-то личное общение, опыт разговоров с ней?

И. Р.: Ну, конечно.

Г. З.: Она ругала ваши отрывки, или что-то еще?

И. Р.: Бесконечно. Она ругала все наши отрывки.

Г. З.: А хвалила?

И. Р.: Очень хвалила и очень ругала, и мы понимали, за что. Вернее, не ругала. Разбирала. Очень точно указывала на ошибки. Чем мы ее удивляли по тем временам? Вот Андрюша Андреев притащил с какой-то свалки ванну, слава богу, вытер и вымыл. Положил туда обнаженную артистку. Тогда пены не было, он сделал пену из хозяйственного мыла. Вначале была видна только шея. Уже невероятно! Мы все сидели потрясенные. Я сейчас не помню, как звали эту девочку – одна из наших однокурсниц. Думали, сейчас Мария Осиповна с ума сойдет – голая артистка на сцене! Начало 70-х! Но Мария Осиповна вообще наготы не заметила. Она объяснила, почему эта девочка вместе с мальчиком играют плохо – неточно, не держат партнерство, не развивают конфликтную ситуацию, то есть объяснила по базовым технологическим законам. Вот что она делала. А когда хвалила, это – о! Я помню... Правда, это было уже потом, в Театре Станиславского – она смотрела у Васильева первый вариант «Вассы Железновой» и смотрела мой «Автопортрет», и было счастье. Павел Александрович Марков сидел. Удивительно – он засыпал сразу, просыпался только в конце и выдавал тончайший, абсолютный разбор.

Г. З.: А он преподавал?

И. Р.: Он у театроведов преподавал. Мы на некоторые лекции к нему ходили.

Когда уже окончил ГИТИС, приходил к Марии Осиповне. Маша родилась – я пришел: «Мария Осиповна, у меня родилась дочь, я назвал ее в вашу честь – Мария Иосифовна». Она выдержала паузу – и говорит: «Ну пусть этой девочке живется лучше, чем мне». Я говорю: «Мария Осиповна, извините, дорогая, пусть эта девочка хоть близко к вашей жизни подберется! Вы работали со Станиславским, сидели на коленях у Толстого, вы – автор грандиозной теории режиссуры, метода действенного анализа, соавтор, и все такое. Что вы?» Мария Осиповна для нас была любимым педагогом, была таким раздражителем, потому что все время нас приводила в ученичество. Вот это нужно знать, вот это нужно выучить, вот это нужно прочесть, вот это нужно попробовать. И в то же время она была своего рода мамой, бабушкой. Очень конфликтовала с Васильевым, очень любила его и – конфликтовала...

Г. З.: А кого из педагогов вы запомнили еще?

И. Р.: Грандиозный профессор Юлий Иосифович Кагарлицкий, мощнейший. Уже называл Марка Яковлевича Полякова. Конечно же, Бояджиев. Михаил Михайлович Буткевич. Тогда как-то очень близки были кафедры режиссуры и театроведения. Практически все те же педагоги были там и там. Театроведы были через дорогу, в Мослитпроме. Мы дружили. Тем более, что там девушки были в основном.

Г. З.: А Швыдкой в то время уже окончил?

И. Р.: Да. Мы поступили, а Миша был в Театре Советской армии на практике в литературной части. А поскольку мы ученики Попова, со второго курса тоже начали туда ходить, тогда и познакомились со Швыдким. В то время были и бесконечные субботники, какие-то скверы убирали, деревья подпиливали...

Г. З.: То есть не только здесь, в садике ГИТИСа?

И. Р.: Нет, что вы! Сквер 1905 года...

Г. З.: А на картошку ездили?

И. Р.: Нет. Наша мастерская, наш курс – не ездили... Вспомнил историю про курс Ю. А. Завадского – жутко смешно. Они были старше нас – мы на первом, они на четвертом. Очень талантливый курс, но почему-то пили беспробудно. Узнав, что в общежитии ГИТИСа объявлен конкурс на лучшую комнату к 100-летию Ленина, и конкурс этот будет оценивать Матвей Алексеевич Горбунов, принесли метры красного кумача, повесили портреты Ленина, Маркса (кто-то из студентов снимался на «Мосфильме» в исторической картине), включили какую-то общественно-политическую передачу... «Рехтор» пришел – и был потрясен. Им дали бешеную премию. Они весь рекевизит отнесли обратно на «Мосфильм», и наш 5-й режиссерский этаж гулял долго и шумно.

Г. З.: А Завадский бывал в ГИТИСе?

И. Р.: Да, бывал. Я видел его неоднократно. Седые виски, всегда с карандашом. Теперь Миша Левитин всегда с карандашом, это он точно перенял у Завадского. У нас, как ни странно, было много бесполезных предметов. Например, танец. Танец в режиссерской мастерской. Нужно преподавать пластику? Нужно. Но нужно преподавать балетмейстерское искусство, а не танец. Понимаете, у нас же девочек не было, мне в женщины ставили Васильева с бородой, и мы злились страшно. У нас танец преподавала педагог Т. Н. Кудашева, мы начинали: раз-два-три, раз-два три. Васильев на меня наступал, я кричал: «Куда же вы!» Она бежала к нам, а я объяснял, что мы не звали, вот Васильев наступил, а я ему: «Куда же вы?» Зачем-то мы, режиссеры, фехтование сдавали. Много и всерьез этим занимались. Опять же, сценическая речь. Помню, мне тройку поставили, хотели двойку вклеить и отчислить. Я читал всего лишь «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ». Только читал медленно и внятно.

Г. З.: Преподаватель, наверное, считал, что это издевательство в вашем исполнении...

И. Р.: Совершенно верно. Именно так.

Г. З.: Можно сказать, к ответу Русь призывали...

И. Р.: И у Васильева двойки стояли. Гончаров требовал отчисления. У нас много чего было. А когда я женился на студентке, правда, она уже была на четвертом курсе, тут партсобрание было, скандал жуткий.

Г. З.: Но говорят, что вас очень хорошо кто-то из известных лиц, чуть ли не Попов...

И. Р.: От Попова требовали на партсобрании: «Андрей, ты должен назначить Райхельгауза! Как можно? Твой педагог женился на студентке!

Ты что-то будешь делать с этим педагогом?» А он говорит: «Я считаю, что надо ему объявить благодарность». – «Ты издеваешься?» И тут он сказал фразу, которая долго по ГИТИСу гуляла. Первая ее часть не вполне прилична – придется ее слегка сократить: «Другие ... А он женился!» Надо сказать, что у нас с той студенткой двое прекрасных детей.

Г. З.: Выдающихся.

И. Р.: Замечательных. Очень любимых детей.

Г. З.: Скажите, а есть ли какие-то уроки, которыегодились не сразу? Вот вы сейчас считаете, что фехтование и танец не нужны. А может, еще пригодятся? И есть что-то, что – вот как это, вот зачем? – а прошло время, и вот оно для чего, оно пригодилось.

И. Р.: Могу сказать. Какая-то замечательная бабушка из Московской консерватории преподавала нам историю музыки. И при том, что мы хохотали, шутили, ставили бутылку тому, кто включал музыкальные «угадайки», которые мы слету «угадывали»... У нас был студент, который, еще только шипение началось, уже «узнавал»: «Шуберт. Соната № 13». Но при всем том думаю, что понимание музыкальной системы, движения, соотношения я получил. Прошло время, и благодаря этой замечательной бабушке я стал понимать, что звук, музыка, шум – один из важнейших компонентов спектакля. Жаль, что не помню ее имени. В ГИТИСе вообще есть такой удивительный момент: однокурсники повлияли на меня не меньше, чем педагоги. Мы, прежде всего, показывали работы друг другу. Это очень важно. Часто работы товарища не принимали, и товарищ слушал нас не меньше, чем Андрея Алексеевича Попова или Марию Осиповну Кнебель. Вы спрашивали про Кнебель, а я вспомнил, как Васильев ставил рассказ И. Э. Бабеля, и ему пришло в голову, что на стене должен висеть портрет Бабеля, и Бабель с портрета комментирует. Бабелем в пенсне был я. Но этого ему показалось мало, он решил, что Бабель должен комментировать на идиш. Васильев сообразил, что идиш знает Мария Осиповна Кнебель. И мы к ней подошли вдвоем и попросили сделать перевод для отрывка. Как мы ее испугали, если бы вы знали! В результате она все-таки продиктовала. И я говорил этот текст, но на экзамене она попросила все-таки говорить по-русски. Надо отдать должное Марии Осиповне: ведь своей предыдущей жизнью – 30-ми, 40-ми, 50-ми она была, конечно, сильно закрыта.

Г. З.: Сильная история. Сказала, но не разрешила.

И. Р.: Я выучил. Помню текст до сих пор. Дипломные спектакли – это было вообще нечто. Кнебель разрешила Толе Васильеву поставить в учебном театре «Сказки старого Арбата». А. Н. Арбузов его увидел. Я в это время поставил арбузовский «Мой бедный Марат» в Одессе. После этого Арбузов в газете «Советская культура» написал статью «Открытия режиссёров». Потом он нас позвал в свою студию. Мы учились в этой студии, где были ранние Петрушевская, Славкин, Аня Родионова, Леша Казанцев... А преподавала Наталья Анатольевна Крымова, которая до последних дней жизни потом работала у нас в театре.

Г. З.: Да, и преподавала в ГИТИСе какое-то время. Есть ли что-то из уроков ГИТИСа, которые вы стараетесь первым делом передать своим студентам? Что вы им рассказываете важного о профессии – не о ГИТИСе?

И. Р.: Идут вступительные экзамены, они заканчиваются, и вот мастерская набрана. Дальше мы соберемся в сентябре на сессию. А за это время в июле я прошу их обязательно выучить 3–4 стихотворения. И потом проверяю. Прошу почитать определенные книжки, не очень много. Написать свою биографию в творческой форме. В жанре. Мало того, эта биография должна быть в толстой тетради на первых страницах. Когда они это приносят, говорю, что дальше надо продолжать, и я буду периодически что-то просматривать. Это длится много лет, даже не помню, откуда взялось, кто из учителей нам об этом говорил. Надо сказать, что мы ходили на уроки Эфроса – все-таки ведь именно к нему мы стремились при поступлении. Оказалось, что педагогом он был слабым. Можно это сегодня сказать прямо – великий, гениальный режиссер, он не случайно не оставил выдающихся учеников. Тем не менее Анатолий Васильевич выдавал формулы, формулировал какие-то законы, способы в ходе своих лекций, разговоров, бесед, опытов. Сейчас это называют мастер-классами (фото 3). Например, он с нами играл в такую игру: просил определить человека буквально одним словом. Вот сидит Григорий Заславский. Определим его одним словом. Одно, второе, третье – и в результате сам выдавал слово гениальное, точнеее. Вот тогда он меня определил: «Райхельгауз – это наивный нахал»,

Фото 3. Встреча студентов режиссерской мастерской Иосифа Райхельгауза и преподавателей ГИТИСа с Анатолием Васильевым. 2014 г. / Students of the director's workshop of Iosif Raykbelgauz at the meeting with Anatoly Vasiliev. GITIS. 2014

и это очень точное определение. Когда я набираю студентов, говорю: вы обязаны выучить стихотворение Б. Л. Пастернака, где вся технология и смысл профессии режиссуры сформулированы в строках:

О, если бы я только мог,
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк...

Вот эти восемь строк – и есть восемь сессий в ГИТИСе, а «...о свойствах страсти» – это главное. Это то, зачем Константин Сергеевич создал всю систему. Мне нужна реальная, бушующая страсть:

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Восемь строк. Гений. Еще один гений. Сегодня нельзя без этого начинать учиться. Как без «Пора, мой друг, пора!» – без А. С. Пушкина нельзя начинать учиться. Если ты не знаешь:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля... –

если ты этого не знаешь, нельзя начинать заниматься. Я вообще, как ни странно, особенно на первом курсе, очень много занимаюсь поэзией. И с режиссерами, и особенно с артистами. Не просто занимаюсь, читаю им, сопоставляю, соотношу и счастлив, что это закладывается на долгое время вперед. Вот без этого нельзя.

Г. З.: Читал в интервью Константина Райкина. Он рассказывает, как папа, Аркадий Исаакович, пришел на какой-то его концерт, послушал, посмотрел, как он что-то показывает, и сказал: «Ты стихи больше читай».

И. Р.: И папа был прав...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Заславский Григорий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, ректор Российского института театрального искусства – ГИТИС.

E-mail: zaslavski@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0131-0791

Райхельгауз Иосиф Леонидович – народный артист России, профессор кафедры режиссуры драмы Российского института театрального искусства – ГИТИС, художественный руководитель театра «Школа современной пьесы».

E-mail: director@gitfis.net

ORCID: 0000-0002-3928-3656

ABOUT THE AUTHORS

Grigoriy A. Zaslavskiy – Cand. Sc. in Philology, Assistant Professor, Rector of the Russian Institute of Theatre Arts (GITIS).

E-mail: zaslavski@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0131-0791

Iosif L. Raykhelgauz – Professor of the Department of Stage Direction, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS).

E-mail: director@gitis.net

ORCID: 0000-0002-3928-3656

Статья поступила в редакцию: 30.08.2021

Отредактирована: 16.10.2021

Принята к публикации: 05.11.2021

Received: 30.08.2021

Revised: 16.10.2021

Accepted: 05.11.2021

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Заславский Г. А., Райхельгауз И. Л. «Сегодня многие абитуриенты понимают, к кому они поступают в ГИТИС». О традициях преподавания режиссуры // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 4. С. 61–75.

DOI: 10.35852/2588-0144-2021-4-61-75

FOR CITATION

Zaslavskiy G. A., Raykhelgauz I. L. "Many students nowadays know what master do they seek in GITIS". On traditions of directing teaching. In: Theatre. Fine Arts. Cinema. Music. 2021, no. 4, pp. 61–75.

DOI: 10.35852/2588-0144-2021-4-61-75